

Для цитирования: Кирчанов М. В.
Критика грузинскими интеллектуалами
политических элит во второй
половине 2010-х гг. //
Социум и власть. 2021. № 1 (87). С. 22—31.
DOI 10.22394/1996-0522-2021-1-22-31.

DOI 10.22394/1996-0522-2021-1-22-31

УДК 323.396 + 329.17

КРИТИКА ГРУЗИНСКИМИ ИНТЕЛЛЕКТУАЛАМИ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЭЛИТ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 2010-Х ГГ.

Кирчанов Максим Валерьевич,
Воронежский государственный университет,
факультет международных отношений,
доцент кафедры регионоведения и экономики
зарубежных стран,
доктор исторических наук.
Российская Федерация, 394018,
г. Воронеж, Университетская площадь, 1.
E-mail: maksymkyrchanoff@gmail.com

Аннотация

Введение. Автор полагает, что отношения власти и интеллектуалов в постсоветской Грузии варьируются от активного участия интеллигенции в политике до разочарования представителей интеллектуального сообщества в политике и в правящих элитах. Предполагается, что политика как процесс перестала интересовать общества, несмотря на динамичную политическую жизнь, включая выборы, активность партий и дискуссии идеологических противников в парламенте.

Цель. Целью статьи является анализ процесса общественного разочарования в политике в современном грузинском интеллектуальном сообществе.

Методы. Автор использует методы изучения интеллектуальных сообществ, применяя принцип историзма и сравнительного подхода, позволяющие выявить и систематизировать основные особенности процесса деполитизации грузинского общества.

Научная новизна. Предлагается новая интерпретация роли интеллектуалов в процессах социального разочарования в политика, основанная на анализе оригинальных источников на грузинском языке.

Результаты. Автор полагает, что 1) грузинское интеллектуальное сообщество во второй половине 2000-х годов начало утрачивать активный интерес к собственному участию в политике; 2) политические партии также вынуждены констатировать кризис поддержки и лояльности потому, что элиты и общество развиваются независимо, а их интересы совпадают редко; 3) культура становится альтернативным проектом, которые привлекает гражданское общество больше чем реальная политика; 4) активное политическое участие Церкви содействует эрозии политической культуры, вынуждая интеллектуалов разочаровываться в политике, воспринимаемой как клановая и коррумпированная сфера деятельности.

Выводы. Проанализированы проявления разочарования грузинских интеллектуалов в политике во второй половине 2000-х годов, что стимулировало их выбор культурных практик как универсальной альтернативы политизации интеллектуальных сообществ, определявшей основные векторы развития Грузии в предшествующий период.

Ключевые понятия:

Грузия,
политика,
элиты,
интеллектуалы,
разочарование в политике,
деполитизация.

Формулировка проблемы

Проблемы отношения грузинского социума и правящих элит занимают значительное место в современной истории Грузии. По мнению ученых, отношения между элитами и обществом могут быть различны. Если в одних случаях правящий режим и интеллектуалы существуют в условиях конфронтации, то в других они могут взаимовыгодно взаимодействовать друг с другом. В ряде стран сложилась содержательно другая ситуация, которая характеризуется несколькими особенностями: политические институты власти относительно стабильны и могут вполне успешно функционировать, воспроизводя сложившуюся систему; общество также консолидировано, но относится к власти по-разному — от массовой поддержки до открытой оппозиционности, аполитичности или плохо скрываемого раздражения, которое, как правило, проявляется на страницах интеллектуальных журналов и близких к ним Интернет-ресурсов. Специфика же ситуации состоит в том, что в таких государствах регулярно реализуются электоральные процедуры, существует многопартийная система, политическая повестка дня регулярно обновляется, но значительной части интеллектуального сообщества все эти процессы малоинтересны.

Цель и задачи статьи

Поэтому в центре авторского внимания в этой статье будут проблемы деполитизации интеллектуального сообщества в современной Грузии. Целью статьи является анализ процесса общественного разочарования в политике. Задачами статьи являются анализ истоков подобной общественной маргинализации политики, изучении основных доводов и аргументов тех интеллектуалов, которые проявляют свое разочарование в политике, анализ перспектив развития государства, где правящие элиты политически и идеологически мотивированы в то время, как социум все в большей степени начинает артикулировать свою аполитичность.

Политические основания интеллектуальной критики грузинских элит

До распада СССР, по мнению ряда исследователей, отношения между властью и интеллигенцией отличался значительной устойчивостью, основанной на зависимости второй от первой. Поэтому «содержательные, методологические и терминологиче-

ские модели интерпретации» [3] реальности практически не менялись. Три десятилетия постсоветского развития республик бывшего СССР, включая Грузию, привели к тому, что основные векторы развития идентичности стали качественно и содержательно другими в сравнении с советским опытом. Несмотря на то, что «правящая элита и интеллигенция были главными действующими лицами, которые создали язык национальной идентичности»¹, на смену росту национализма [8] пришло разочарование в нем, а универсальность националистического языка была поставлена под сомнение в условиях, когда политическая система в минимальной степени реализовала свои функции как пространства для диалога, раздробленности оппозиции, сохранения нерешенных социальных проблем, нарастания угрозы мутации республики в «партийные княжества»² и очевидной клановости, которая сложилась в грузинской политике, определяемой критиками правящих элит как неосоветская.

В то время как партийные элиты и профессиональные политики в Грузии начали активно продвигать в СМИ нарративы о кризисном состоянии политической сферы, тем самым, признавая растущий общественный скепсис в отношении самих себя во второй половине 2010-х годов, то общество сделало первые шаги в направлении расставания с политическими иллюзиями, возникшими на волне эйфории от восстановления независимой государственности, значительно раньше профессиональных политиков. Первые элементы проявления социального скепсиса стали заметны уже в конце 1990-х годов, когда бывшие советские интеллигенты пережили чувство разочарования первыми последствиями независимости, которые проявились в политическом кризисе, гражданской войне, утрате территорий [4], ощутив утомление от постсоветского режима, содержащего в себе все родовые травмы подобных систем — от бедности до коррупции [11]. Кроме этого, стало очевидно, что в независимости от формальной политической

¹ მამისაშვილი ხ. სამშობლო, ერი-სახელმწიფო და ქართული ელიტები (Майсашвили Х. Родина, национальное государство и грузинские элиты). URL: <https://semioticsjournal.wordpress.com/2010/10/11/ხათუნა-მამისაშვილი-სამშობლო/> (на груз. языке).

² შამიაშვილი თ., ხასია ზ. ისევ გრძელდება ქვეყნის პარტიულ სამთავროებად დაყოფა და დაპირისპირება პოლიტიკაში და პოლიტიკის გარეთაც! (Шашиашвили Т., Хасиа З. Разделение страны на партийные княжества и споры в политике и вне политики продолжают). URL: <http://iverioni.com/ge/16128-isev-grdzeldeba-qveynis-partiul-samthavroebad-dayofa-da-dapirispireba-politikashi-da-politikis-garethac.html> (на груз. языке).

принадлежности элиты склонны решать свои групповые задачи [14], игнорируя интересы общества, проводя политику, которая по своей природе является антиинтеллектуальной. В середине 2010-х годов журналист Рати Абуладзе патетически декларировал, что «вместо политических коалиций стране нужна новая политика»¹, а политический обозреватель Заур Начкебия писал о «фальшивой демократии» и указывал на неэффективность олигархических групп у власти². Гиорги Майсурадзе, грузинский журналист, комментируя особенности политической ситуации в Грузии, предположил, что формально правящие элиты обладают только ограниченным суверенитетом, который не только не распространяется на Абхазию и Цхинвальский регион, но и на Православную Церковь, открыто и демонстративно игнорирующую решения правительства в отношении соблюдения карантина и ограничение, наложенное на посещение храмов и церквей³.

Концепт «симуляции власти»⁴ с характерными для него претензиями на универсальность стал одним из модулов описания и анализа ситуации, при которой, по мнению ряда авторов-интеллектуалов, «государственная система угнетает своих граждан криминальными формами и не позволяет им добиваться правосудия... такая система не была создана в Грузии ни при прежнем правительстве, ни при нынешнем правительстве, она существует уже давно»⁵. Из-за этого в первой полови-

не 2010-х годов предположения о кризисе эстетики политического режима, неспособности решать внешнеполитические проблемы [16], его вторичности и имитативном, симуляционном характере стали высказываться более часто. Например, литературный критик Вако Нацвлишвили в отношении режима М. Саакашвили отмечал, что «эстетика Саакашвили основана на подражании... все введенные им формы являются копиями других оригиналов... бутафория, вырванная из культурного контекста, заняла место всех аутентичных институтов в Грузии»⁶.

Комментируя ситуацию сложившуюся к 2017 году, некоторыми политическими и культурными обозревателями декларируется «символичность того, что в прошлом году министерство экономики и развития Грузии продало здание, в котором находилось само министерство. Это решение хорошо отражает парадигму экономического развития, которую Грузия преследует в течение последних трех десятилетий. С советских времен в Грузии процветали национальные движения, и распад Советского Союза привел к росту влияния националистических групп... Независимость стала постоянной “пассивной революцией”, в которой нет ничего революционного»⁷. Подобные настроения в большей степени характерны для левой части интеллектуального сообщества [6] в силу того, что контроль над дискурсом фактически получили правые, предлагающие свои векторы и траектории интеллектуального развития [21], игнорируя идеи левых критиков, для которых в одинаковой степени неприемлемы неолиберальная экономическая модель и сближение правых с националистами.

Общегуманитарные основания разочарования в политике

Метаморфозы развития и трансформации интеллектуального сообществ [20] в постсоветский период самым тесным образом связаны с общей динамикой изменений в гуманитарных и социальных науках. В то время как в 1950—1975 годы,

¹ აბულაძე რ. ქვეყანა ახალ პოლიტიკას საჭიროებს! (Абуладзе Р. Стране нужна новая политика!). URL: <http://iverioni.com.ge/16176-rati-abuladze-qveyana-akhal-politikas-satciroeb.html> (на груз. языке).

² ნაკეცია ზ. ქვეყანა არა ოლიგარქებმა, არამედ, ქართულ ღირებულებებზე ორიენტირებულმა ადამიანებმა უნდა მართონ! (Начкебия З. Страной должны править не олигархи, а люди, ориентированные на грузинские ценности!). URL: <http://iverioni.com.ge/10236-qveyana-ara-oligarqebmaramed-qarthul-ghirebulebebze-orientirebulmadamianebma-unda-marthon.html> (на груз. языке).

³ მაისურაძე გ. პანდემია და ქართული სახელმწიფოებრიობის დაუსრულებელი პროექტი (Майсурадзе Г. Пандемия и незавершенный проект грузинской государственности). URL: <https://ge.boell.org/ka/2020/04/22/pandemia-da-kartulisakhelmciproebricobis-dausrulebeli-proekti> (на груз. языке).

⁴ თევზაძე გ. საქართველო: ძალაუფლების სიმულაციები (Тевзадзе Г. Грузия: моделирование силы). URL: <https://demo.ge/index.php?do=full&id=542> (на груз. языке).

⁵ ფერაძე ქ. სახელმწიფო სისტემა საკუთარი მოქალაქეების წინააღმდეგ (Ферадзе К. Государственная система против собственных граждан). URL: <https://www.timer.ge/სახელმწიფო-სისტემა-საკუთარი> (на груз. языке).

⁶ ნაცვლიშვილი ვ. მიზა და ცრუ რედი-მედი. დამოხმალურება გიორგი მაისურაძის ბლოგზე «მუზა და მიზა» (Нацвлишвили В. Миша и фальшивая рыжая дева. Ответ на блог Георгия Майсурадзе «Муза и Миша»). URL: <https://demo.ge/index.php?do=full&id=1022> (на груз. языке).

⁷ ხუნდაძე ტ. რატომ გვჭირდება განვითარების ახალი პარადიგმა? (Хунდაдзе Т. Зачем нужна новая парадигма развития?). URL: <http://european.ge/ratom-gvchirdeba-ganvitarebis-axali-paradigma/> (на груз. языке).

по мнению французского историка Ф. Доса, «безраздельно господствовала структуралистская парадигма», представлявшая собой «критическую парадигму, основанную на соединении лингвистики как дисциплины-образца и двух господствующих дисциплин — социологии и этнологии, и двух авторитетных доктрин — марксизма и психоанализа», то в грузинском интеллектуальном сообществе на статус структурализма как универсальной парадигмы претендовал этнический национализм [15], к началу 1980-х гг. «пришла новая парадигма в центре которой оказалась не структура, а историчность» [1], то в грузинской интеллектуальной среде 2010-х годов более слышимыми стали голоса сторонников ревизионизма доминировавших нарративов и, поэтому, на смену нации, которая воспринималась как универсальная ценность, основанная на категориях этничности, пришли концепты «общества», «гражданства» и «политической нации» [18], ранее незаметные в тени доминирования этнического национализма.

Постсоветские интеллигенции республик [21], которые образовались после распада СССР, столкнулись с кризисом воображения / изобретения идентичности, что отразилось на тактиках и стратегиях воображения сообщества [12]. На смену политической эйфории интеллектуалов, которые принимали участие в восстановлении государственной независимости пришло разочарование в самой политике, участникам и лидерам которой просто неинтересно знать как живут «среднестатистические грузины в нашей среднестатистической стране»¹. В этой ситуации к концу 2010-х годов лозунг-требование «Нам нужны новые герои»² становится более востребованным, а интеллектуалы все больше укрепляются в идеологеме и мифологеме, ставшей фактически общим местом в современном политическом воображении о том, что «Грузия и грузинский народ остаются под ветром идеологической пропаганды», которая, с одной стороны, вынуждает бороться с «нашим собственным правительством», а, с другой — с Россией, которая, по мнению грузинских авторов, стремится «проводить свою собственную политику гегемонии»³.

¹ კარელიძე თ. სამუალო სტატისტიკური ქართველი (Карелидзе Т. Среднестатистический грузин). URL.: <http://liberali.ge/blogs/view/30388/sashualo-statistikuri-qartveli> (на груз. языке).

² ახვლედიანი ა. რევოლუციის შვილები (Ахвლედიანი А. Дети революции). URL.: <http://liberali.ge/blogs/view/45812/revolutsiis-shvilebi> (на груз. языке).

³ არონია გ. საქართველოს მთავრობა, კერძო სექტორი და სამოქალაქო საზოგადოება პროპაგანდას ერთად

Осознание необходимости перемен, как подчеркивал в первой половине 2010-х годов культурный критик Гиа Эдзгверадзе, сочеталось с тем, что основные парадигмы развития грузинского общества мутируют, социально и культурно меняются, качественно и содержательно становясь другими, отличными от тех, которые доминировали в поздней советской или ранней постсоветской Грузии. Рефлексии грузинских интеллектуалов относительно советского прошлого имеют отношение не только к идеологически мотивированным проработкам истории в контекстах актуальной политической ситуации, но самым тесным образом оказываются «связанными с выработкой идентичности в настоящий момент» [7]. Поэтому, по мнению ряда интеллектуалов, «ритуальные практики сохранения и выживания» становились в грузинском обществе «чисто атавистическими». Не удивительно и то, что логически продолжая это предположение Гиа Эдзгверадзе предполагает, что главная задача Грузии как независимого государства состоит в том, чтобы «поставить перед народом решающий императив, расширять, перевести и установить ориентир. Сегодня мы, и смехотворно и позорно заменили эту заповедь смелым выкриком слова «демократия»»⁴. Поэтому понятие «аполитичность»⁵, которое в чрезвычайно политизированной и идеологически мотивированной Грузии 1990—2000-х годов казалось неуместным и бессмысленным, оказывается все более популярным у молодого поколения интеллектуалов, озабоченных отчуждением власти от общества и опасаящихся односторонних политических трансформаций, например — внесения поправок в Конституцию без референдума и их общественного обсуждения⁶.

Таким образом, в Грузии к середине 2010-х годов сложилась противоречивая

ავრცელებენ (Арониа Г. Правительство Грузии, частный сектор и гражданское общество вместе распространяют пропаганду). URL.: <http://liberali.ge/articles/view/46264/saqartvelos-mtavroba-kerdzoseqtori-da-samoqalaqo-sazogadoeba-propagandas-ertad-avrtseleben--oqsford> (на груз. языке).

⁴ ებგვერადე გ. თვალსაზრისი: ინტელექტი და ქართული საზოგადოება (Эдзгверადзе Г. Перспектива: интеллект и грузинское общество). URL.: <http://liberali.ge/articles/view/3378/tvalsazrisi-intesti-da-qartulisazogadoeba-meore-natsili> (на груз. языке).

⁵ ქურდაძე ს. ისევ სსრკ-ში (Курдаძე С. Опять в СССР). URL.: <http://liberali.ge/blogs/view/45827/Backto-USSR> (на груз. языке).

⁶ მენაბდე ვ. კონსტიტუციის გადასინჯვა საყოველთაო სახალხო განხილვის გარეშე (Менаბდე В. Пересмотр Конституции без всеобщего рассмотрения). URL.: <http://liberali.ge/blogs/view/33231/konstitutsiis-gadasinjva-sayoveltaosakhalkho-gankhilvis-gareshe> (на груз. языке).

ситуация непонимания интеллектуалов и власти, хотя формально основания для кризиса отношений между государством и значительной частью общества были минимальны. И представители политических элит, и интеллектуалы сделали ставку на западную модель развития, определив политический курс, направленный на конфронтацию с Россией и интеграцию в евро-атлантические структуры единственно верным. Несмотря на это формальное совпадение декларируемых целей, в Грузии не сложилось единства между элитами и интеллектуалами, так как политические элиты руководствовались рациональным политическим расчётом, а интеллектуалы оказались чрезмерно радикальны в своих проектах развития общества, хотя несколькими годами ранее и правящие элиты, и интеллектуалы были солидарны в период «революции роз», что частично стимулировалось общими источниками финансирования, представленными западными фондами.

Интеллектуалы как критики власти

Отличительной особенностью восприятия власти со стороны грузинского общества к середине 2010-х годов стало укрепление резко критического отношения, простимулированного разочарованием и несовпадением реалий жизни с ожиданиями. Поэтому число критиков политических элит расширяется и наряду со светскими интеллектуалами в их число входят и некоторые представители Грузинской Церкви. К концу 2010-х годов, несмотря на оптимистические декларации лидеров партий о том, что «Грузия — развитое, демократическое государство с сильными демократическими институтами»¹, свое разочарование в политике стали открыто высказывать и представители Церкви, которая до этого демонстративно актуализировала свою лояльность правительству. В целом светские интеллектуалы и их сторонники в Церкви согласны с тем, что грузинское общество не просто гетерогенно (что в принципе нормально), но идеологически и политически поляризовано и «далеко от единства»², даже в тех случаях,

когда речь идет о национальных интересах. В частности, в 2019 году священник Андриа Сариа, комментируя как особенности сложившегося в Грузии режима, так и последствия его существования для общества, подчеркивал, что элиты «забрали нашу свободу, они забрали наше образование, они забрали нашу экономику, они съели наше государство, они разрушили сознание нации, и как мы можем назвать их правителями государства? Мы можем обвинить националистов в смущении общества, но что мы можем сказать в пользу этого правительства?! У нас есть больший враг, чем Россия?... церковь дала нам послушных правителей, развивая патернализм бесполезных депутатов, пребывающих во власти. Наши тела и души пленены ими... и слабо развитым, торгашеским и бесполезным правительством»³. Дякон Илия Чигладзе полагает, что грузинское общество сталкивается с аналогичными проблемами в политической и религиозной жизни, включая «невежество, идолопоклонство, лицемерие, жадность, зарабатывание денег, ложь»⁴, а архиепископ Бодбийский Иаков и вовсе определил политические элиты современной Грузии как «большевистские»⁵, потому что они склонны акцентировать внимание на взаимных претензиях, отрицая достижения предшественников.

Вероятно тот факт, что политическая и нравственная критика политических элит начала звучать и со стороны Церкви, точнее — ее отдельных представителей, свидетельствует о том, что элиты как форматоры политического режима постепенно скатываются в состояние кризиса, так как доверие к ним со стороны общества постепенно минимизируется и сокращается [3]. Ситуация осложняется и тем, что к концу 2010-х годов Патриарх Илия II в значительной степе-

ganvikhthkhavth-erthmaneths-ghmerthma-gvapatioes-dzalian-didi-danashauli/ (на груз. языке).

³ სარია ა. გამოღვიძების დროა, ეს კაცი მანველებია (Сариа А. Пора просыпаться — человеку больно). URL.: <https://www.timer.ge/mghvdelmomazonimama-adria-saria-gamoghvidzebis-droa-es-kacimavnebelia/> (на груз. языке).

⁴ ჭილაძე ი. რა უნდა მოვთხოვო საერო (Чигладзе И. Что я должен просить у светских властей). URL.: <https://www.timer.ge/ra-unda-movthkhovo-saerokhelisuplebas-rodasac-modzalade-iakobi-rchebamomqmed-episkoposad/> (на груз. языке).

⁵ იაკობი, საქართველოს ყველა ხელისუფლება ერთმანეთს ემსგავსება და საბოლოო ჯამში ყველანი ბოლშევიკები არიან (ო. Иаков, Все правительства Грузии одинаковы, и в конце концов все они — большевики). URL.: <https://www.timer.ge/saqarthvelos-khvela-khelisupleba-erthmanethsemsgavseba-da-sabooloo-jamshi-khvelani-bolshevikibarian/> (на груз. языке).

¹ პოლიტიკური საბჭოს წევრის გაი ვოლსკის განცხადება (Заявление Гии Вольски, члена Политсовета). URL.: <http://41.ge/new/796-politikuri-sabchos-tsevrish-giavolskis-ganckhadeba> (на груз. языке).

² მჭედლიშვილი ი. სამწუხაროდ, ერთობისგან ძალიან შორს ვართ, განვიკითხავთ ერთმანეთს, ღმერთმა გვაპატიოს ეს ძალიან დიდი დანაშაული (Мchedlishvili ი. К сожалению, мы очень далеки от единства, мы судим друг друга, и простит нас Бог за это очень большое преступление). URL.: <https://www.timer.ge/arqimandriti-ioane-mchedlishvili-samtukharod-erthobisgan-dzalian-shors-varth>

ни утратил доверие со стороны общества, особенно — прозападных интеллектуалов, оценки которых в отношении его деятельности варьируются от обвинения Церкви в поддержке гомосексуального лобби в Церкви до поддержки сепаратистов¹ и проведения политики в интересах России². Поэтому, некоторыми светскими авторами Церковь и вовсе определяется как «политический союз ювелиров»³, обвиняя иерархов в стяжательстве и накопительстве. Политический аналитик Гоча Мирцхулава в связи с этим подчеркивал, что те, кто выступает в защиту Патриарха, фактически защищают российское влияние в Грузии⁴, что также актуализирует разочарование определенной части общества, как в политике, так и в политизированной Церкви. В этой ситуации Грузинская Церковь вместо того, чтобы стать площадкой для диалога, наоборот, актуализировала как противоречия среди самих интеллектуалов, где голос ее критиков был явно громче голоса ее защитников, так и подчеркнула растущее чувства разочарование и скепсиса относительно элит потому, что Церковь воспринимается в качестве союзника власти.

Скептицизм грузинского интеллектуального сообщества настолько значителен [13], что некоторые интеллектуалы начали задавать провокационные вопросы относительно нужности/ненужности, важности/неважности тех политиков прошлого, кото-

рые в XX веке были воображены как отцы нации, то есть начали продвигать идеи необходимости ревизии истории Грузии. Особенностью развития современной грузинской идентичности в той версии, которую продвигают интеллектуалы, настаивающие на факте параллельного сосуществования власти и общества [9], является устойчивый культурный тренд [10], воспринимаемый в качестве возможности консолидировать интеллектуальное сообщество, которое в значительной степени фрагментировано и гетерогенно [19]. Грузинские интеллектуалы, определяемые как «культурно-интеллектуально-богословская элита» сосуществуют с оставшимися грузинскими интеллигентами — и первое, и второе сообщества очень гетерогенны, там и там есть свои радикалы, маргиналы и консерваторы⁵, что создает условия для их использования их различных мнений представителями власти в целях собственной легитимации и оправдания управления столь нестабильным обществом.

Такая политическая динамика на протяжении существования современной независимой Грузии, воспринимаемой иногда как «вечнозеленая и молодая грузинская демократия», привела к постепенному разочарованию интеллектуалов [19], делающих «огромную работу в условиях деинтеллектуализации, проводимой властью в политике» [2]. Поэтому интеллектуалы предпочли превратить культуру в своеобразную резервацию и интеллектуальное гетто, отделенное от дискредитировавших себя политических пространств. Политический аналитик Вахушти Менабде, например, в 2018 году ответственность за подобную ситуацию возлагал на политические элиты, которые «разрушили идею политики... фактически, конечная задача политического единства — создание справедливого общества. Грузинская политика объявила справедливость инструментом, который должен служить личному благополучию политиков... Грузинская политика представляется нам как поле битвы, заполненное бесполезными призраками, которое не имеет ничего общего с реальностью и не отражает проблемы общества... В такой ситуации политика как механизм достижения справедливости больше не существует. Политика разрушается как идея взаимной заботы и взаимной поддержки граждан»⁶. Поэтому грузинские

¹ მირცხულავა გ. დიდი ღალატი — რუსეთის ეკლესია აფხაზეთში ილია მეორესთან შეთანხმებით მოქმედებს (Мирцхулава Г. Великое предательство — Русская Церковь в Абхазии действует по соглашению с Илией II). URL.: <https://www.timer.ge/didi-ghalati-rusetis-eklesia-apkhazethshi-ilia-meoresthan-shethankhmebith-moqmedebts/> (на груз. языке).

² მირცხულავა გ. დაბეჯითებით, ვამბობ — რაც ახლა ეკლესიის გარშემო ხდება არის საპატრიარქოს ინსპირირებული და რუსული სცენარი (Мирцхулава Г. Я настаиваю: то, что сейчас происходит вокруг церкви — это сценарий Патриархата, вдохновленный русскими). URL.: <https://www.timer.ge/gocha-mirckhulava-dabejithebith-vambob-racakhla-eklesiis-garshemo-khdeba-aris-sapatriarqos-inspirebuli-da-rusuli-scenari/> (на груз. языке).

³ ღმერთის არ გწამთ? ზურაბ ჯაფარიძის აქცია-პერფორმანსი საპატრიარქოსთან (Вы не верите в Бога? Акция-перформанс Зураба Джапаридзе у Патриархата). URL.: <https://www.girchi.com/ge/media/news/3099-ghmertis-ar-gcamt-zurab-japaridzis-aktia-performansi-sapatriarkostan/> (на груз. языке).

⁴ მირცხულავა გ. კარგად გაიხსენეთ რამდენი იქრო-ვერცლის სანაცვლოდაც კი ვერ შესძლო საპატრიარქოსთვის რქების მოგრეხვა ნაცემორაბამ (Мирцхулава Г. Помните, что и Национальное движение не могло подчинить Патриархат в обмен на большие деньги). URL.: <https://www.timer.ge/kargad-gaikhseneth-ramdeni-iqro-verclisanacvlodac-ki-ver-shesdzlo-sapatriarqosthis-rqebis-mogrekhva-nacmodzrabam/> (на груз. языке).

⁵ ასათიანი ს. პოპულიზმი და უფრო მეტი. URL.: <https://www.radiotavisupleba.ge/a/3539690.html> (на груз. языке).

⁶ მენაბდე ვ. როგორ მოგვპარეს პოლიტიკა (Менабდე В. Как политика украла нас). URL.: <http://liberali.ge/blogs/view/41011/rogor-mogvpare-politika> (на

интеллектуалы на современном этапе, став заложниками как своих внутренних противоречий, так и собственной зависимости от правящих элит, вынуждены критиковать политический класс, хотя степень воздействия подобно критике остается крайне незначительной в силу того, что сами интеллектуалы и являются ее потребителями.

Современное интеллектуальное сообщество не только выступает в качестве критика власти, но и стремится найти компромиссные ценностные и этические принципы, которые консолидировали бы общество. Культура, как полагают интеллектуалы, актуализирует различные исторические и современные формы грузинской идентичности, а также вероятные траектории и направления ее будущего развития. Эта вера, вероятно, возникла как одно из последствий разочарования интеллектуалов в актуальном политическом курсе правящих элит. Гиорги Кекелиани, политический публицист и комментатор, комментируя специфику грузинской ситуации, в 2017 году подчеркивал, что, «как только страна стала независимой, грузинское политическое мышление всегда характеризовалось жесткой амбивалентностью. Последнее вполне справедливо можно отнести и к политической культуре, которая серьезно пострадала от деградации советского режима в течение 70 лет. Как только начался процесс демократизации и сформировалась многопартийная система, сразу же стало очевидно, насколько печален этот недавно освободившийся грузинский политический театр»¹.

Грузинские интеллектуалы в подобной ситуации не только констатируют странность современного грузинского общества, воспринимаемого как «поле, в котором внутренние галлюцинации каждого нормально-го человеческого организма приобретают условную иллюзорную реальность. Другими словами, в обществе существует постоянная иллюзия, что внутренние галлюцинации организма не обязательно являются галлюцинаторными, то есть вещами, которые не соответствуют действительности»², но и вынуждены признавать несоответствие моральных норм с теми правилами, которые доминируют в политике, вынужденно кон-

статуируя, что ни один грузинский политик не сможет «добиться успеха в общественной сфере Грузии, если не будет манипулировать историческими, традиционными и моральными ценностями»³.

Поэтому интеллектуалы как особая группа в рамках современного грузинского общества [5] склонны настаивать на том, что Грузия имеет «сложное историческое прошлое», приведшее к тому, что, с одной стороны, «ни одна из политических групп не смогла стать народным правительством, не смогла пересечь границу отчуждения между ним и народом... граждане по-прежнему находятся в состоянии внутреннего протеста и недоверия к властям», а, с другой стороны, те «партии», которые заметны в политическом пространстве (от условных националистов до не менее условных либералов) не имеют постоянных сторонников и избирателей⁴ в силу их неспособности реально изменить ситуацию в стране, создав новый политический класс⁵. В связи с этим культурный критик Еленэ Сичинава подчеркивает, что хотя «неэффективность и бесчеловечность» разрушили Советский Союз и теперь «мы живем в Грузии», тем не менее, перспективы развития и его возможные траектории остаются неясными в силу того, что грузинские интеллектуалы не в состоянии ответить на вопрос: «Что мы хотим сейчас?»⁶

Именно этот вопрос не только сделал видимыми амбиции интеллектуалов, но и обострил чувства ожидания перемен, вскрыв глубину и степень противоречий, существующих в современном грузинском обществе между правящими политическими элитами и интеллектуальными сообществами, чье влияние редуцировано до уровня университетов, академий, культурных проектов и инициатив, а также немногочисленных литературных журналов. Примечательно,

3 რაინდად ყოფნის ტვირთი (Бремя рыцаря). URL.: <http://liberali.ge/blogs/view/20031/raindad-yofnistsvirti> (на груз. языке).

¹ კეკელიანი გ. იდეოლოგიური დაპირისპირება: ქართული ოცნება vs ევროპული საქართველო (Кекелиани Г. Идеологический спор: Грузинская мечта vs Европейская Грузия). URL.: <https://www.radiotavisupleba.ge/a/tavisupali-sivrtse-giorgi-kekeliანი-ideologiური-dapirispireba/28840521.html> (на груз. языке).

² ლეკიაშვილი მ. ზღურბლი (Лекиашвили М. Попор). URL.: <https://www.liberali.ge/blogs/view/24923/zghurbli> (на груз. языке).

³ აბულაძე რ. ძველი პოლიტიკა ახალ პოლიტიკურ კლასს ვერ შექმნის! (Абуладзе Р. Старая политика не может создать новый политический класс!). URL.: <https://www.radiotavisupleba.ge/a/ძველი-პოლიტიკა-ახალ-პოლიტიკურ-კლასს-ვერ-შექმნის-/30402629.html> (на груз. языке).

⁴ სიჭინავა ე. თაობა, რომელიც მოიგებს ომს (Сичинаვა Э. Поколение, которое выигрывает войну). URL.: <http://liberali.ge/blogs/view/45857/taoba-romelits-moiგებს-oms> (на груз. языке).

что только политические элиты оказались в состоянии предложить ответ на этот вопрос, сводящийся к интеграции страны в евро-атлантические структуры, и, хотя этот ответ был выработан при участии части грузинского интеллектуального сообщества, большинство интеллектуалов все же в отношении принятия этого решения оказались в маргинальном положении.

Выводы

Вовлеченность в политический процесс как профессиональных политиков, так и интеллектуалов в Грузии привели к противоречивым результатам, которые отражаются практически во всех сферах жизни современного грузинского общества, в том числе — и в средствах массовой информации, которые не только транслируют но и формируют отношение граждан к политике. Несмотря на осознание и понимание этой амбивалентной ситуации, ресурсы грузинского интеллектуального сообщества остаются крайне ограниченными в силу того, что в стране сложилась неосветская модель политической коммуникации и взаимоотношений между элитами и гражданским обществом, которое периодически мобилизуется или для легитимации решений элит или для борьбы с последними.

Вместе с тем политическая динамика в Грузии свидетельствует о том, что гражданское общество к концу 2010-х годов успело стать определенной силой, с которой власти вынуждены в большей или меньшей степени считаться, хотя интеллектуалы предпочитают поддерживать дистанцию от правящих политических элит, пребывая в своих культурных и гуманитарных резервациях, где могут заниматься воспроизводством и продвижением гранд-нарративов, генетически вытекающих из культурной памяти. В целом, в современной Грузии сложилась в определенной степени странная ситуация, основанная на дуализме: с одной стороны, профессиональные политики в значительной степени активны, но, с другой, общество, ставшее гражданским, уже не испытывает того интереса к политике, который оно испытывало в начале 1990-х годов, когда Грузия восстановила свою независимую государственность. Поэтому представители грузинского гражданского общества менее охотно становятся политиками, что свидетельствует как об их определенном разочаровании в политике, так и о том, что интеллектуалы смогли извлечь уроки из неудачного опыта собственной активной политизации в ранней постсоветской Грузии.

Политические и интеллектуальные сооб-

щества современной Грузии развиваются параллельно и почти независимо друг от друга, но векторы и траектории развития и трансформации политической сферы и интеллектуальных сообщества являются противоположными, а интересы — разнонаправленными. Грузия унаследовала от Грузинской ССР мощную креативно и критически мыслящую интеллигенцию, которая социально и культурно за годы независимости мутировала в интеллектуальные сообщества западного типа, не только получавшие поддержку со стороны зарубежных фондов, но и фактически легитимировавшие «революцию роз» и последующие политические изменения. Поэтому разочарование интеллектуалов в политике частично стало и следствием их более ранней вовлеченности в политику, хотя по мере консолидации режима властвующие элиты перестали испытывать необходимость в их услугах. В этой ситуации нельзя исключать того, что тенденции к дальнейшему росту аполитичности или разочарования в политике среди грузинских интеллектуалов будут возрастать, что усилит фрагментацию общества, превратив политику и гуманитарную активность интеллектуалов в социо-культурные резервации, сосуществующие формально в рамках одного социума, но фактически очень разнообразные и гетерогенные, основанные как на различных формах идентичности, так и на социальной и исторической памяти.

1. Досс Ф. Как сегодня пишется история: взгляд с французской стороны // Как мы пишем историю / отв. ред. Г. Гаррета, Г. Дюфо, Л. Пименова. М. : РОССПЭН, 2013. С. 9—56.

2. Інтэлектуальная сітуацыя Беларусі. Апытанне // Палітычная сфера. 2013. № 21 (2). С. 63—77.

3. Лінднер Р. Нязменнасць і змены ў постсавецкай гістарыяграфіі Беларусі // Кантакты і дыялогі. 1996. № 3. С. 20—25.

4. Bozóki A. Intellectuals and Politics in Central Europe. Budapest: Central European University Press, 1998. 306 p.

5. DiLeo J. The New Public Intellectual: Politics, Theory, and the Public Sphere. London ; New York : Palgrave Macmillan, 2016. 231 p.

6. Fawn R. Ideology and National Identity in Post-communist Foreign Policy. London ; New York : Routledge, 2004. 254 p.

7. Friedman J. Myth, History, and Political Identity // Cultural Anthropology. 1992. Vol. 7. No. 2. P. 194—210.

8. Goff K. A. Nested Nationalism: Making and Unmaking Nations in the Soviet Caucasus. Cornell University Press, 2021. 336 p.

9. Jennings J. *Intellectuals in Politics*. London ; New York : Routledge, 2013. 256 p.

10. Lilla M. *The Reckless Mind: Intellectuals in Politics*. New York : New York Review Books Press, 2016. 249 p.

11. Lim E. *The Anti-Intellectual Presidency: The Decline of Presidential Rhetoric from George Washington to George W. Bush*. Oxford : Oxford University Press, 2012. 208 p.

12. Lindner R. *New Directions in Belarusian Studies besieged past: national and court historians in Lukashenka's Belarus // Nationalities Papers*. 1999. Vol. 27, No. 4. P. 631—647.

13. López E., Leighton W. *Madmen, Intellectuals, and Academic Scribblers: The Economic Engine of Political Change*. Stanford : Stanford University Press, 2014. 204 p.

14. MacDonald H. *The Burden of Bad Ideas: How Modern Intellectuals Misshape Our Society*. New York : Ivan R. Dee Press, 2014. 256 p.

15. Manning P. *Strangers in a Strange Land: Occidentalists Publics and Orientalist Geographies in Nineteenth-Century Georgian Imaginaries*. Princeton : Academic Studies Press, 2019. 345 p.

16. Matsaberidze D. *The Conflict over Abkhazia (1989—2010): The Interaction of Georgian-Abkhazian Nationalisms and the Role of Institutions in the Post-Soviet Developments*. Saarbrücken : Lambert Academic Publishing, 2011. 236 p.

17. Posner R.A. *Public Intellectuals: A Study of Decline, With a New Preface and Epilogue*. Harvard : Harvard University Press, 2003. 464 p.

18. Sabanadze N. *Globalization and Nationalism: The Cases of Georgia and the Basque Country*. Budapest : Central European University Press, 2017. 231 p.

19. Schneiderman H.G. *Engagement and Disengagement: Class, Authority, Politics, and Intellectuals*. London ; New York : Routledge, 2017. 318 p.

20. Sowell Th. *Intellectuals and Society* Paperback. New York : Basic Books, 2012. 680 p.

21. Swartz D. *Symbolic Power, Politics, and Intellectuals: The Political Sociology of Pierre Bourdieu*. Chicago : University of Chicago Press, 2013. 304 p.

References

1. Doss F. (2013). Kak segodnya pishetsya istoriya: vzglyad s frantsuzskoy storony. Moscow, ROSSPEN, pp. 9—56. [in Rus].

2. (2013). *Political sphere*, vol. 21, no. 2, pp. 63—77. [in Bel.].

3. Lindner R. (1996). *Contacts and dialogues*, no. 3, pp. 20—25. [in Bel.].

4. Bozóki A. *Intellectuals and Politics in Central Europe*. Budapest, Central European University Press, 1998. 306 p. [in Eng].

5. DiLeo J. (2016) *The New Public Intellectual: Politics, Theory, and the Public Sphere*. London, New York, Palgrave Macmillan, 231 p. [in Eng].

6. Fawn R. (2004). *Ideology and National Identity in Post-communist Foreign Policy*. London, New York, Routledge, 254 p. [in Eng].

7. Friedman (1992). *Cultural Anthropology*, vol. 7, no. 2, pp. 194 — 210. [in Eng].

8. Goff K.A. (2021). *Nested Nationalism: Making and Unmaking Nations in the Soviet Caucasus*. Cornell University Press, 336 p. [in Eng].

9. Jennings J. (2013). *Intellectuals in Politics*. London, New York, Routledge, 256 p. [in Eng].

10. Lilla M. (2016). *The Reckless Mind: Intellectuals in Politics*. New York, New York Review Books Press, 249 p. [in Eng].

11. Lim E. (2012). *The Anti-Intellectual Presidency: The Decline of Presidential Rhetoric from George Washington to George W. Bush*. Oxford: Oxford University Press, 208 p. [in Eng].

12. Lindner R. (1999). *Nationalities Papers*, vol. 27, no 4, pp. 631—647. [in Eng].

13. López E., Leighton W. (2014). *Madmen, Intellectuals, and Academic Scribblers: The Economic Engine of Political Change*. Stanford, Stanford University Press, 204 p. [in Eng].

14. MacDonald H. (2014). *The Burden of Bad Ideas: How Modern Intellectuals Misshape Our Society*. New York, Ivan R. Dee Press, 256 p. [in Eng].

15. Manning P. (2019). *Strangers in a Strange Land: Occidentalists Publics and Orientalist Geographies in Nineteenth-Century Georgian Imaginaries*. Princeton, Academic Studies Press, 345 p. [in Eng].

16. Matsaberidze D. (2011). *The Conflict over Abkhazia (1989—2010): The Interaction of Georgian-Abkhazian Nationalisms and the Role of Institutions in the Post-Soviet Developments*. Saarbrücken, Lambert Academic Publishing, 236 p. [in Eng].

17. Posner R.A. (2003). *Public Intellectuals: A Study of Decline, With a New Preface and Epilogue*. Harvard, Harvard University Press, 464 p. [in Eng].

18. Sabanadze N. (2017). *Globalization and Nationalism: The Cases of Georgia and the Basque Country*. Budapest, Central European University Press, 231 p. [in Eng].

19. Schneiderman H.G. (2017). *Engagement and Disengagement: Class, Authority, Politics, and Intellectuals*. London, New York, Routledge, 318 p. [in Eng].

20. Sowell Th. (2012). *Intellectuals and Society*. New York, Basic Books, 680 p. [in Eng].

21. Swartz D. (2013). *Symbolic Power, Politics, and Intellectuals: The Political Sociology of Pierre Bourdieu*. Chicago, University of Chicago Press, 304 p. [in Eng].

For citing: Kirchanov M.V. The intellectual community as a critic of political elites: Georgian experience of the second half of the 2010s // *Socium i vlast'*. 2021. № 1 (87). P. 22—31. DOI: 10.22394/1996-0522-2021-1-22-31.

DOI: 10.22394/1996-0522-2021-1-22-31

UDC 323.396 + 329.17

THE INTELLECTUAL COMMUNITY AS A CRITIC OF POLITICAL ELITES: GEORGIAN EXPERIENCE OF THE SECOND HALF OF THE 2010s

Maksim V. Kirchanov,
Voronezh State University,
Faculty of International Relations,
Associate Professor of the Department Chair
of Regional Studies
and Economics of Foreign Countries,
Doctor of History
The Russian Federation, 394018,
Voronezh, Universitetskaya Ploshchad, 1.
E-mail: maksymkyrchanoff@gmail.com

Abstract

Introduction. The author believes that the relationship between power and intellectuals can range from the active participation of the intelligentsia in politics to the disillusionment of the intellectual community in politics and in the ruling elites. The author analyzes the process in Georgian contexts. It is assumed that politics as a process has ceased to attract public interest, despite a dynamic political life.

Purpose. The purpose of the article is to analyze the process of public disillusionment with politics in the modern Georgian intellectual community.

Methods. Methodologically, the article is based on the principles of analyzing intellectual communities with the elements of the universal method of historicism and a comparative approach, which make it possible to identify and systematize the main features of the process of depoliticization of Georgian society.

Scientific novelty. The author presents a new interpretation of the role of intellectuals in the processes of social disappointment in politics, based on the analysis of original sources in the Georgian language.

Results. It is presumed that 1) Georgian intellectual community in the second half of the 2000s began to lose active interest in its own participation in politics; 2) political parties are also forced to acknowledge the crisis of loyalty because the elites and society develop independently, and their interests coincide rarely; 3) culture became an alternative project that attracts civil society more than real politics; 4) the active political participation of the Church assists to the erosion of political culture, forcing intellectuals to become disillusioned with politics, perceived as a clannish and corrupt sphere of activity.

Conclusions. It is shown that disillusionment with politics in the second half of the 2000s and the gradual migration of intellectuals to cultural practices replaced the politicization of intellectual communities, which determined the main vectors of Georgian development in the previous period.

Key concepts:

Georgia,
politics,
elites,
intellectuals,
depoliticization